

Хайрединова З.З.**УДК 297:351.862.4"17/19"(477.75)****МУСУЛЬМАНСКОЕ ДУХОВЕНСТВО ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

В последние десятилетия историки большое внимание уделяют изучению ислама в целом, и взаимоотношениям мусульманского духовенства и государства в частности. Так, можно выделить таких исследователей как Алексеев И.Л. [1], Арапов Д.Ю. [2], Воробьева Е.И. [3], Денисов Д.Н. [4], Сулейманова Ю.Ф. [5]. Их работы посвящены взаимоотношению мусульманского духовенства и государственной власти Российской империи. Однако все исследования касаются в целом Оренбургского округа. Мусульманское духовенство Таврической губернии упоминается вскользь.

Целью данной статьи является рассмотрение места мусульманского духовенства Таврической губернии в системе государственного управления Российской империи.

Мусульманское духовенство на Крымском полуострове сформировалось, начиная с XIII века, когда исламские проповедники стали все чаще посещать Крым преимущественно под видом торговцев и суфиев из Турции. Укрепившееся в Крыму мусульманское духовенство, как и во всех странах традиционного распространения исламского вероучения, в силу особых, установленных шариатом положений, заняло важное место в государственной, общественно-политической, культурно-просветительской и повседневной жизни татарского населения.

Известно, что в Крымском ханстве установилась довольно сложная система духовно-административного управления. Мусульманское духовенство состояло из муфтия, кади-аскера, кадиев, наибов, хатибов, имамов, мулл и муэдзинов. Кроме этого, при текиях (монастырях) были шейхи, при медресе (высшая религиозная школа) мудеррисы и при мектебе (начальная религиозная школа) оджи или ходжи [6].

Муфтии пользовались огромным уважением в ханстве. Решения муфтия считались окончательными и были настолько авторитетными, что даже крымскому хану вменялось в обязанности их признавать и принимать к исполнению. Те же из татар, кто даже в этих условиях шел против обозначенных правил, муфтием признавались ослушниками Пророка и назывались «бейнамазами». Они считались недостойными быть мусульманами и могли подвергаться соответствующим репрессиям.

За столетия существования Крымского ханства в стране сформировалась сложная структура органов религиозного управления, которые обслуживало многочисленное мусульманское духовенство. Ко времени присоединения Крыма к России в среде населения, исповадовавшего исламское вероучение, существовала широко разветвленная сеть духовных учреждений. Мусульманское духовенство было также достаточно дифференцированным, четко структурированным и полностью удовлетворяло духовные потребности местного мусульманского населения. Духовенство пользовалось огромным авторитетом и влиянием как на власть предрержащих, так и на простых верующих.

Присоединение Крыма к России явилось важной вехой как в истории Российской империи, так и в жизни крымских татар, заселявших в тот момент полуостров. Манифест Екатерины II, подписанный 8 апреля 1783 года «О принятии полуострова Крымского, острова Тамань и всей Кубанской стороны, под Российскую Державу» обещал «охранять и защищать их лица, имущество, храмы и природную веру» [7]. Позже в указе, данном князю Г.А. Потемкину от 28 июня 1783 года, говорилось, что необходимо «определить надлежащее и нескучное содержание мечетям и служащим в оных школах их и на другие тому подобные полезные дела» [8].

Таким образом, в силу императорских манифеста и указа, все мусульманское духовенство осталось на своих местах и после присоединения Крыма к России. Собственно управленческая структура и принципы руководства мусульманской духовной общиной региона оставались в неизменном виде и на прежних основаниях.

Именным указом от 24 апреля 1784 года в своих должностях были переутверждены глава духовенства стояли муфтий Мусалар эфенди и кади-аскер Сеит Мегмет эфенди. Им устанавливалось жалованье, которое назначалось из местных доходов. Мусалар эфенди полагалось по 2.000 рублей в год, а Сеит Мегмет эфенди, соответственно 1.500 рублей [9].

После смерти муфтия Мусалар эфенди 23 января 1794 года Екатерина II подписала указ, в котором в должности муфтия была утверждена кандидатура, предложенная правителем Таврической области, то есть Сеит Мегмет эфенди. Скорее всего, не желая новшествами дестабилизировать обстановку в регионе, санкт-петербургское правительство предпочло не устранять привычную и традиционную в мусульманской общине Крыма должность кади-аскера (на которую был назначен Абдураим эфенди).

Согласно тому же указу от 23 января 1794 года, таврическому муфтию подтверждалось теперь уже казенное жалованье в размере 2.000 рублей в год. Однако жалованье кади-аскеру было существенно снижено и составляло сумму в размере 500 рублей. Вновь назначенным «эфендиям» (уездным кадиям) причиталось казенное жалованье по 200 рублей в год [10]. Таким образом, данным указом были утверждены муфтий, кади-аскер и пять эфендиев, которые составили Таврическое магометанское духовное правление (ТМДП).

Указ от 23 декабря 1794 года не обозначал ни прав, ни обязанностей этой довольно аморфной и умозрительной структуры, кроме как «надзирать» за духовенством. Данное мусульманское правление было фактически учреждено. Однако в повседневной практике оно по этим причинам бездействовало. Такое двусмысленное положение сохранялось вплоть до 1831 года, когда в силу вошло долгое время

разрабатывавшее «Положение о Таврическом магометанском духовенстве и подлежащих ведению его делах» [11].

В данном временном промежутке с 1794 года по 1831 год было предпринято несколько неудачных попыток законодательно утвердить права Таврического муфтията, четко определить обязанности членов правления, а также упорядочить отношения государственной власти и мусульманской духовной организации региона.

В сентябре 1801 года Таврический муфтий Сеит Мегмет эфенди прибыл в Санкт-Петербург и представил императору Александру I докладную записку [12]. Более конкретно она касалась ряда важных для мусульманской общины Крыма вопросов. Они накопились за долгое время и требовали немедленного рассмотрения высшей государственной властью.

Суть докладной записки заключалась в пяти пунктах. В них говорилось, прежде всего, о подтверждении преимуществ и прав, дарованных крымским татарам и их духовенству. Ставился вопрос о записанных по ревизии крымских татар «из духовенства в число казенных» крестьян. Муфтий предлагал перерегистрировать их обратно в духовное сословие. Важным вопросом для мусульманской общины Крыма стали вакуфные имущества и капиталы. Муфтий предлагал утвердить их при мечетях, теких и медресе на постоянной основе. Кроме того, важную проблему составлял вопрос о наследовании имений после смерти того или иного крымского мусульманина, об определении опекунов, а главное, о роли местного исламского духовенства вообще и Таврического муфтията, в частности.

Но, главное, на основании указа от 23 января 1794 года, муфтием ставились вопросы о реальном открытии в городе Акмечети структур Таврического муфтията. Более того, Сеит Мегмет эфенди предлагал построить или нанять специальное здание для заседаний предполагаемой структуры [13].

14 ноября 1802 года Александром I был подписан указ на имя сенатора Ивана Владимировича Лопухина с поручением – рассмотреть на месте вопрос открытия магометанского правления в Таврической губернии.

При исследовании состояния дел в Таврическом регионе И.В. Лопухину предстояло изучить ряд важных вопросов, связанных с состоянием ислама в Крыму. Среди них необходимо обратить внимание на два крупных блока проблем. Во-первых, о необходимости увеличения числа местного мусульманского духовенства; о возвращении этому сословию разных привилегий, которые были даны еще в царствование Екатерины II и, наконец, о том, какие привилегии можно назначить данному духовенству, судя по тем, какие они уже имели ранее. Во-вторых, об открытии в Симферополе Духовного правления с обозначением прав и обязанностей этого органа духовного управления, а также об отводе для него специального здания.

Внимательнейшим образом рассмотрев вопросы жизни мусульманской общины Крыма, уже 18 февраля 1803 года И.В. Лопухин представил доклад. Он свидетельствовал не только о добросовестном отношении сенатора к делу, но и о глубине проникновения в суть важнейших проблем крымскотатарской мусульманской религиозной общины.

Доклад состоял из 12 пунктов, содержащих ответы на все поставленные вопросы. Что касается магометанского правления, то сенатор настоятельно рекомендовал открыть его в городе Симферополе, как можно ближе к губернской администрации.

В своем докладе И.В. Лопухин обратил внимание на следующие вопросы: 1) о структуре духовного правления; 2) о введении в состав канцелярии духовного правления должности секретаря, переводчика и канцелярских служащих. Всему составу Таврического магометанского духовного правления предполагалось определить жалованье из казны «по благоизволению щедроты монаршей» [14].

Важным мнением сенатора стал вопрос об обязанностях духовного правления вообще и муфтия в частности. Оказывается им, в представлении И.В. Лопухина, «ни в коем случае» нельзя было «делать общего созыва духовенства в губернский город и ни куда без позволения губернатора или правящего должность» не выезжать. Таким образом, предполагаемое духовное правление должно было находиться под зорким и непосредственным надзором таврического губернатора. Кроме того, муфтию отводилась главная роль в попечении Таврического мусульманского духовенства, особенно в вопросах нравов и морали.

Для уяснения позиции сенатора И.В. Лопухина относительно мусульманской религиозной общины в Крыму, необходимо рассмотреть и ряд других вопросов, которые, казалось бы, непосредственно не касались проблемы открытия ТМДП. Однако именно они помогают уяснить суть политики Санкт-Петербурга по отношению к мусульманам Таврической губернии в этот промежуток времени.

Большое внимание сенатор И.В. Лопухин уделил в своем докладе вопросу увеличения численности мусульманского духовенства в Крыму. Он считал, что искусственно увеличивать число мусульманского духовенства нет никакой необходимости. Он подчеркнул, что «нужно только, чтобы было достаточное число служащих магометанской веры для безостановочного отправления треб», а также «для воспитания и приготовления в чины оных служащих» [15]. В связи с этим И.В. Лопухин предлагал учредить временный комитет, который бы рассмотрел и определял ряд важных моментов. Среди них, в частности, вопрос о том, сколько должно быть в губернии имамов и других духовных служащих. Кроме того, нужно было определить, все ли в настоящее время духовные служащие соответствуют своим должностям. Объясняя эту меру, И.В. Лопухин замечал, что «сие рассмотрение полезно для отличения и одобрения достойнейших и для перемены недостойных лучшими» [16]. То есть сенатор предлагал существенно ограничить число мусульманского духовенства в Крыму и создать для него некий «рынок труда». Вместе с тем, сенатор считал нужным закрепить все привилегии и права, данные императрицей Екатериной II, что, очевидно, подняло бы авторитет местного духовенства и укрепило бы его материальное положение.

В заключение доклада И.В. Лопухин писал о вопросах соответствия государственного законодательства с традиционным в Крыму – исламским. Он полагал, что мусульмане, не согласные с тем, чтобы их споры разбирались в духовном правлении, должны иметь право обращаться в суды гражданские. Такое положение он считал удобным для сокращения «тяжебных дел» и увеличения авторитета духовенства в глазах рядовых мусульман.

Интересное мнение высказал Таврический губернатор Д.Б. Мертваго по поводу избрания Таврического муфтия, который должен был избираться крымскими татарами всех сословий и рекомендоваться Таврическим губернатором для дальнейшего утверждения.

Несмотря на неурегулированность вопроса открытия Таврического духовного правления, вопросы связанные с мусульманским духовенством постепенно решались на законодательном уровне.

Так, например, в 23 ноября 1826 года были утверждены правила «о порядке определения кадиев в Крыму» [17], в котором определялся порядок избрания и утверждения кадиев, и кроме того, излагались и функциональные обязанности таврического муфтия и кади-аскера.

Появился и другой, не менее важный документ, напрямую касавшийся функциональных обязанностей мусульманского правления Крыма. Так, 22 марта 1829 года был подписан указ «О вакуфских в Крыму имениях» [18], который регламентировал систему вакуфной собственности в регионе. В частности он разъяснял общие правила о вакуфах и разъединял понятия о духовном и частном вакуфах. Как известно, вакуфы в Крыму являлись «неприкосновенною собственностью Магометанского Духовенства» и находились в попечении муфтия и духовного магометанского правления, которые несли ответственность перед Главным управлением Духовными делами Иностранных исповеданий. Однако, к сожалению, эта структура еще не была сформирована и фактически не имела четких руководящих полномочий.

В 1830 году был принят указ «О неотступлении от общих правил при погребении магометан» [19]. В нем приводится мнение Таврического муфтия Сеит Джемиль эфенди о правилах погребения мусульман в Крыму. Опираясь на мусульманское законодательство в этом вопросе, муфтий подтвердил, что погребение умерших полагалось производить в день смерти. Следует отметить, что принимаемые правительством законодательные акты постепенно утверждали мусульманские традиции в правовом поле Российской империи.

23 декабря 1831 года в именном указе, данном Сенату, говорилось: «Признав необходимым дать предназначенному еще в 1794 году Таврическому Магометанскому Духовному Правлению надлежащее, твердое и полное образование и определить с точности правила производства Духовных дел Магометан, обитающих в губернии Таврической и некоторых местах Западных, ... составили проект Положения о Таврическом Магометанском Духовенстве и порядке отправления подлежащих ведению его дел» [20]. Кроме того, в указе говорилось об утверждении этого Положения и о распоряжениях для приведения его в действие.

Таким образом, вопрос об открытии Таврического магометанского духовного правления был решен. Вся бюрократическая система управления России понимала насущную потребность крымскотатарского населения в создании подобной структуры. Очевидно, чиновничий аппарат стремился как можно четче и точнее определить права и обязанности магометанского правления. С одной стороны, он не хотел дать ему много серьезных прав. С другой – опасался проявить чрезмерную жесткость, которая могла вызвать недовольство со стороны верующих вблизи отдаленной границы государства.

Как уже говорилось, 23 декабря 1831 года императором Николаем I был подписан указ Правительствующему Сенату «об утверждении Положения о Таврическом магометанском духовенстве и подлежащих ведению его делах» [21]. В данном случае император пожелал дать «надлежащее, твердое и полное образование» ТМДП. В компетенцию этой структуры монарх, между прочим, определил вопросы производства духовных дел не только в собственно Таврической губернии, но «и в некоторых местах Западных губерний империи нашей». В этом указе сообщалось, что Главное управление духовных дел иностранных исповеданий, на основании многочисленных и разновременных документов, составленных «местными начальствами» и общегосударственных законов, составило проект «Положения о Таврическом магометанском духовном правлении и порядке отправления подлежащих ведению его дел» [22]. Содержание этого проекта было рассмотрено на заседании Государственного Совета. В этом государственном органе было подтверждено, что «Положение» соответствует ныне действующему общему законодательству страны, закону о веротерпимости и соблюдает «особенные татарским жителям Таврической губернии дарованные преимущества» [23].

Очевидно, Таврическое магометанское духовное правление было открыто в соответствующей случаю торжественной обстановке. Особенно пышно дата отмечалась в самом правлении его членами, мусульманским духовенством и крымскотатарским мурзачеством.

Таким образом, дату 29 ноября 1832 года нужно считать днем открытия Таврического магометанского духовного правления. Таврическое магометанское духовное правление четко вошло в систему государственного управления Российской империи. Одним из наиболее показательных фактов того, что ТМДП было довольно заурядным административно-конфессиональным учреждением МВД, свидетельствует установление регулярной выплаты денежного содержания членов правления и его служб. По закону членам ТМДП определялось жалованье из государственной казны Российской империи.

Вскоре это было закреплено законодательно. Как известно, в 1836 году был принят законопроект «О штатах Магометанских: Оренбургского Духовного Соборания и Таврического Духовного Правления» [24]. Расходы на содержание непосредственно ТМДП в год составляли 12.250 рублей.

Итак, о высшем мусульманском духовенстве в Крыму необходимо сказать следующее: оно четко вошло в государственные структуры Российской империи. Высшее духовенство избиралось под

жестким контролем правительства и местной администрации. Кандидаты на высшие духовные должности должны были устраивать не столько общину верующих, сколько колониальную администрацию. Духовное правление, без сомнения, поставили на государственную службу, и ему, как заурядному чиновничеству, выплачивалось достаточно крупное жалованье.

Интересным является рассмотрение статистических сведений, касающихся мусульманских учреждений и служащего при них мусульманского духовенства. Так, согласно «Ведомости о числе духовных заведений, чинов и прихожан при оных за 1825 год» джами (то есть соборные мечети) насчитывалось – 536, мечетей (приходских) – 1116, текий – 13 и медресе 26. Мусульманского духовенства при них: хатипов – 536, имамов и муэдзинов – 1971, шейхов – 14, мудеррисов – 27, феррашей – 2, дервишей – 66, наибов – 25 и сохт – 779 [25].

Согласно такой же «Ведомости о мечетях, служащем духовенстве и числе жителей обоого пола магометан Таврической и Западной губернии за 1875 год» мечетей соборных было 295, мечетей пятывременных – 363. Мусульманского духовенства: муфтий, кади-аскер, 4 уездных кадия, хатипов – 192, имамов – 261, муэдзинов – 174, мудерисов – 12, годжи (оджи) – 44, сохт – 863 [26]. Если сравнить данные статистические сведения, можно сделать следующие выводы: за 50 лет количество соборных мечетей сократилось почти вдвое, приходских – втрое. Логически предположить то, что и численность мусульманского духовенства соответственно сокращалась.

Таким образом, мусульманское духовенство Таврической губернии занимало определенное место в системе государственного управления Российской империи. Это, в первую очередь, касалось высшего духовенства, которое было призвано решать определенные вопросы регулирования взаимоотношений мусульманского населения Таврической губернии и государства.

Источники и литература:

1. Алексеев И. Л. Институализация ислама в имперском пространстве и эволюция системы управления мусульманским населением центральной России / И. Л. Алексеев // Форумы российских мусульман на пороге нового тысячелетия : материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Мусульманское сообщество России: итоги и перспективы», Всерос. мусульманского форума «Мусульманское сообщество России на пороге третьего тысячелетия» : к 1000-летию I Всерос. мусульманского съезда (1905-2005). – Н. Новгород, 2006. – С. 104-118.
2. Арапов Д. Ю. Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.) : сб. материалов / Д. Ю. Арапов. – М. : Наталис, 2006. – 480 с.
3. Воробьева Е. И. Власть и мусульманское духовенство в Российской империи (вторая половина XIX в. – 1917 г.) / Е. И. Воробьева // Исторический ежегодник. – 1997. – С. 40-55.
4. Денисов Д. Н. Мусульманское духовенство как привилегированная группа в социальной структуре Российской империи XIX века / Д. Н. Денисов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 12 (227). – История : вып. 45. – С. 117-119.
5. Сулейманова Ю. Ф. Место исламского духовенства в системе государственной власти Российской империи (на материалах Оренбургского края) : [Электронный ресурс] / Ю. Ф. Сулейманова. – Режим доступа : tomb-raider6.narod.ru/.../mesto_islamskogo_duhovenstva_v_si.html.
6. Александров И. Ф. О мусульманском духовенстве и управлении духовными делами мусульман в Крыму после его присоединения к России / И. Ф. Александров // ИТУАК. – № 51. – С. 211.
7. Полное собрание законов Российской империи (I) (ПСЗ). – № 15708.
8. ПСЗ (I). – № 15798.
9. ПСЗ (I). – № 15936; № 17174.
10. Александров И. О мусульманском духовенстве и управлении духовными делами мусульман в Крыму после его присоединения к России / И. Александров // ИТУАК. – № 51. – С. 213; Российской государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1374. – Оп. 4. – Д. 231. – Л. 21; ПСЗ (I). – 1794. – № 17174. – 23 января. – С. 485.
11. ПСЗ (II) – 1831. – № 5033. – Т. VI. – С. 337-345, С. 46 приложения ко II отделению тома VI.
12. Александров И. К истории учреждения Таврического магометанского духовного правления (1794) / И. Александров // ИТУАК. – 1918. – № 54. – С. 319-320; РГИА. – Ф. 1374. – Оп. 4. – Д. 231. – Л. 2-5.
13. Александров И. К истории учреждения... – С. 319-320; РГИА. – Ф. 1374. – Оп. 4. – Д. 231. – Л. 2-5.
14. Александров И. К истории учреждения... – С. 324.
15. Александров И. К истории учреждения... – С. 326.
16. Александров И. К истории учреждения... – С. 326.
17. ПСЗ. (II). – 1826. – № 690. – 23 ноября.
18. ПСЗ. . – 2761.
19. ПСЗ. (II). – 1830. – № 3659. – 13 мая.
20. ПСЗ. (II). – № 5033. – С. 337.
21. ПСЗ (II). – 1831. – № 5033. – 23 декабря.
22. Государственный архив Автономной Республики Крым (ГААРК). – Ф. 26. – Оп. 1. – Д. 7376. – Л. 1 (об).
23. ГААРК. – Ф. 26. – Оп. 1. – Д. 7376. – Л. 1 (об).
24. ПСЗ (II). – 1836. – № 8780. – 15 января.
25. РГИА. – Ф. 1286. – Оп. 4. – Д. 95. – Л. 32.
26. РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1143. – Л. 3.